

К 100-летию СО ДНЯ СМЕРТИ Н. В. ГОГОЛЯ

Гоголь и театр

Гоголь всю жизнь горячо любил театр. Еще подростком он являлся самым активным участником школьных спектаклей в Нежинской «гимназии высших наук», в которых он не только выступал в качестве исполнителя различных ролей, главным образом комедийных, но и писал декорации, режиссировал, переписывал роли.

Переехав с Украины в Петербург, Гоголь пытался сделаться профессиональным актером и даже проходил соответствующие испытания на сцене Александринского театра, но результаты оказались столь неудачными, что молодой дебютант даже не явился за ответом. Эта неудача обуславливалась тем, что простое, глубоко реалистическое чтение Гоголя не пришлось по вкусу тогдашним театральным заправилам, насаждавшим на сценах переводные мелодрамы, верноподданнические пьесы Полевого и Кукольника или легковесные водевили.

Любовь к театру Гоголь сохранял до конца своей жизни. И если в юности он увлеклся театром безотчетно, со всем пылом своего кипучего темперамента, то в последующие годы Гоголь высоко ценил театральное искусство, как искусство массовое, располагающее исключительными средствами воздействия на широкие народные массы. Он говорил, что театр «это такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок, где... показывается знакомый, прятующийся порок и... выставляется знакомое, робко скрывающееся возмущенное чувство». Так писатель-драматург впервые в русской литературе определил значение театра как великой кафедры, призванной просвещать, идейно воспитывать народные массы.

Какой же «урок» современному обществу решил дать Гоголь средствами театра?

Период его творчества был в общественной жизни России наиболее мрачным периодом крепостничества. Великий

критик-демократ В. Г. Белинский в своем знаменитом «Письме к Гоголю» в 1847 году писал о России, что она представляла тогда «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!».

Задумав писать для театра, Гоголь решил прежде всего обличить бюрократические круги, поставить вопросы современной ему действительности во всей ее сложности, во всей полноте жизненной правды. Одна из первых его пьес «Владимир 3-й степени» разоблачает неприглядное лицо российского чиновничества. Основным героем ее Гоголь предполагал сделать крупного петербургского чиновника Барсукова — мошенника и карьериста. Барсуков мечтает получить орден Владимира 3-й степени, рассчитывая на протекцию своего приятеля, более близко знакомого с министром. Однако этот приятель не только не собирался протектировать Барсукову, но даже строил всяческие козни против него, завидуя его успехам и считая себя обойденным. Не получив ожидаемого ордена, Барсуков сходит с ума и начинает воображать себя Владимиром 3-й степени.

Работа Гоголя над этой комедией была остановлена, повидимому, на втором действии, так как писатель понял, что царская цензура ни за что не пропустит пьесы, которая высмеивает высшие слои бюрократии, светскую и крупно-чиновничью среду. По поводу этой работы Гоголь писал в феврале 1833 года своему другу — историку и журналисту М. П. Погодину: «Я помешался на комедии. Уже и сюжет было на днях начал составлять, уже и заглавие написано на белой толстой тетради: «Владимир 3-й степени» — и сколько злости! Смеху! Соли!». Но вдруг остановил-

ся, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит... Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости!..».

По сравнению с резко обличительным «Владимиром 3-й степени» у Гоголя возникает сюжет более «невинный», когда он в 1833 году приступает к своей комедии «Женитьба», первоначально названной им «Женихи». Но под пером великого сатирика этот «невинный» сюжет приобрел определенные и четкие социальные черты.

В первоначальном варианте, когда комедия называлась «Женихи», ее действие развивалось в провинциальной помещичьей среде. В дальнейшей работе над пьесой Гоголь перенес ее события в купеческую среду, особенно заострив мотивы погони купеческих семейств за женихами-дворянами, а дворян-чиновников и военных — за богатыми невестами хотя бы из семейств «купцов третьей гильдии». Это изменение среды и фона комедии отражало те существенные изменения, которые произошли в русской социальной действительности начала 40-х годов прошлого столетия. От этого общественная острота пьесы необычайно выросла, — особенно в силу сатирического сопоставления убожества и пошлости купеческой среды с убожеством, пошлостью и бескультурьем «благородного» чиновничества и офицерства из дворян.

Если Чернышевский указывал, что у Островского «очень немного прибавлено к тому, что указано уже Гоголем», то этим самым великий публицист-демократ подчеркивал, что уже у Гоголя намечалась разоблачающая картина купеческого «темного царства».

С наибольшей полнотой и яркостью обличительная сила сатирического дарования Гоголя раскрылась в его бесстрашной комедии «Ревизор».

Еще в начале октября 1835 года Гоголь, сообщая Пушкину о начале работы над «Мертвыми душами», писал ему: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский анекдот. Рука дрожит написать комедию. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, куда смешнее чорта».

В ответ на это письмо Пушкин поделился с Гоголем сюжетом «Ревизора», который он подготовил для себя. Этот сюжет носил чисто анекдотический характер, рассказывая о некоем добродушном губернаторе и его семье, которые случайно проезжего шарлатана приняли за посланника. Гоголь ухватился за эту сюжетную канву, но социально углубил и расширил тему. Из задуманной первоначально легкой и развлекательной комедии «О шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами» выросла острая, социально обличительная сатира, а маленький уездный городок, где владычествует Сквозник-Дмухановский, становился страшным обличением всего общественного и государственного строя России. Впоследствии, в 1848 году, сам Гоголь так характеризовал свою комедию:

«В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал... и за одним разом посмеяться над всем».

Первое представление «Ревизора», 19 апреля 1836 года в Петербурге на сцене Александринского театра, явилось большим событием — не только художественным, но и общественно-политическим. Ни одно произведение Гоголя не вызвало столько самых разнообразных и противоречивых толков, столько разных нападок и восторженных похвал, как «Ревизор». В своих воспоминаниях С. Т. Аксаков рассказывал: «На сцене комедия имела огромный успех, но в то же время много наделала врагов Гоголю. Самые злонамеренные толки раздавались в высшем чиновничьем кругу и даже в ушах самого государя!». Промышленные реакционные журналисты и литераторы — агенты царского правительства — подняли против великого писателя ожесточеннейшую травлю. Что касается Николая I, то многочисленные свидетельства показывают, что этот ко-

ронованный солдафон в большей или меньшей степени правильно понимал истинный политический смысл пьесы. Общеизвестна фраза Николая после первого представления комедии: «Тут всем досталось, а больше всего мне».

Здесь следует отметить весьма примечательный факт. Непосредственно вслед за первыми представлениями «Ревизора» начала даваться в один вечер с великой комедией Гоголя в той же декорации и с теми же исполнителями пьеска в 3-х действиях «Настоящий ревизор» некоего князя Цицианова. В этом драматургическом издании «порядок восстанавливался высокой властью», что должно было ослабить и нейтрализовать общественно-сатирическое звучание комедии Гоголя. Однако, невзирая на приказание ставить цициановскую стряпню вместе с «Ревизором», «Настоящий ревизор» успеха не имел и скоро был снят.

Совсем по-иному отнеслись к появлению «Ревизора» представители демократических слоев русской общественности. Для прогрессивной части публики и демократической критики было совершенно ясным огромное общественное и революционизирующее содержание комедии. Так, например, выражая мнение разночинно-демократической части зрителей, анонимный критик «Молвы» говорил о «Ревизоре», как о «русской всероссийской пьесе, возникшей не из подражания, но из собственного горького чувства автора... Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи; но внутри — это горе гореванье, лыком подпоясано, мочалами испутано».

Спустя 20 лет после первого представления «Ревизора», А. И. Герцен, вспоминая о своих впечатлениях от спектакля, писал: «Иностранцу трудно понять огромное впечатление, произведенное у нас на сцене «Ревизором». Публика своим смехом и рукоплесканиями протестовала против пьяной и тягостной администрации, против воровской полиции, против общего дурного правления». Говоря об объективно-историческом значении «Ревизора», тот же Герцен в «Развитии революционных идей в России» писал: «Никогда еще никто до Гоголя с такой полнотой не проходил над

русским чиновником курса патологической анатомии. Смеясь, он беспощадно проникал в самые сокровенные складки этой нечистой и злой души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мертвые души» суть ужасная исповедь современной России».

Восприятие великой комедии ее первыми читателями и зрителями, полемическая острота отзывов и критических статей после первых спектаклей «Ревизора» в Петербурге и в Москве отразила ту напряженную идеологическую борьбу, которая велась между защитниками самодержавно-крепостнического правопорядка и революционно-демократической интеллигенцией, видевшей неизбежность крушения феодальных устоев.

Если драматическое наследие Гоголя не столь велико в количественном отношении, то в смысле художественном и идейном влияние гоголевской драматургии совершенно исключительно и беспримерно по силе своего воздействия. «Ревизор» и «Женитьба» произвели полный переворот в русской литературе. От бессмертных комедий Гоголя отталкиваются позднейшие писатели, особенно если объектом их внимания была дворянская или чиновничье-бюрократическая среда. Здесь достаточно вспомнить сатирические произведения Салтыкова-Щедрина и все творчество Сухово-Кобылина. Несомненно, что к «Женитьбе» восходят образы пьес Островского с его купчиками, свахами, с его галерей чиновников.

Дореволюционный театр не мог до конца раскрывать всю глубину гоголевской сатиры, т. к. это означало бы изблечение всего строя самодержавия, на что не отваживались даже лучшие актеры того времени. И только в наше советское время пьесы Гоголя нашли свое полное художественное и идейное воплощение. Своим изумительным мастерством, яркостью и глубиной своих образов великий писатель-реалист помогает нам критически оценивать прошлое нашей страны, успешно бороться с пережитками капитализма в сознании людей, уверенно идти в завтрашний день — к коммунизму.

Н. СМЕРНОВ,

главный режиссер краевого драматического театра имени А. С. Пушкина.